

С. Небжеговска-Бартминьска

Университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин (Польша)
stanislawa.niebrzegowska-bartminska@poczta.umcs.lublin.pl

Жанровая обусловленность символических значений слов

Одноязычный (толковый) словарь национального языка фиксирует слова и объясняет их значения. Над таким лексиконом может надстраиваться — как сформулировала это Мария Рената Майенова в «Теоретической поэтике» [1974] — лексикон второго уровня, который содержит символические значения, происходящие из «естественных знаков вещей». Например, в словаре польского языка *wianek* определяется как ‘сплетенное из цветов, веточек и т. п. колечко, которое носят на голове в качестве украшения’, а в словаре второго уровня *wianek* — это знак девичества и чистоты девушки. Этот смысл подтверждается употреблением слова как в разговорной речи (ср. *donosić wianka* <носить венок> ‘сохранить чистоту до свадьбы’, *stracić wianek* <потерять венок> ‘лишиться девственности’), так и в фольклорных текстах, например в свадебной песне: «*Żebyś ty, chmielu, na tyczki nie laz, tobyś nie robił z panienek niewiast. Ale ty chmielu na tyczki łazisz, niejedną pannę wianka pozbawiasz*» <Если б ты, хмель, на жерди не лез, ты бы не делал из девушек женщин. Но ты, хмель, на жерди лазаешь, не одну pannu венка лишаешь>.

В докладе анализируются отдельные единицы общенародного лексикона и их реализации в фольклорных текстах различных жанров. Отправной точкой являются базовые смыслы, которые, тем не менее, допускают включение дополнительных смыслов; это означает, что знак естественного языка — на высшем уровне — становится о з н а ч а ю щ и м для нового знака.

Так, например, в словаре польского языка *luz* выступает в своем основном значении — ‘пространство, густо поросшее растительностью, в основном травами, использующимися для сенокоса или выпаса скота’; *lipa* — ‘дерево с широкой кроной, сердцевидными листьями и душистыми медоносными цветками’; *kalina* — ‘дерево или кустарник с черными, красными или желтыми плодами’.

В фольклорных текстах лугу, липе и калине приписываются дополнительные смыслы, варьирующие в зависимости от жанра. Оставаясь в рамках лотмановского понимания символа, можно сказать, что «идеи некоторого содержания» служат «планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания» [Лотман, 1992, 191].

Луг в любовных песнях приобретает значения женственности, девичьей чистоты («Moja łączka przy niskiej dolinie, można ją siec jak w lecie, tak w zimie» <Мой лужок в низкой долине, можно его засеять и летом и зимой>; «Mam ci ja Jasiu łączke zieloną, na niej trawczkę niepokoszoną. Tylko koszenia potrzeba, da nam Pan Bóg wszystko z nieba, dobrze nam będzie» <У меня для тебя, Ясь, есть лужок зеленый, на нем травка некошенная. Нужно только покосить, даст нам Бог все с неба, хорошо нам будет>) и пространства любви («Na zielony łące pasła Andzia pawie, przyszło do ni ćtery kawalery: “Wędruj, Andziu, z nami”» <На зеленом лугу пасла Андзя павлина, пришли к ней четверо юношей: «Пойдем, Андзя, с нами»>). В рождественских колядках *зеленый луг* является знаком рая и места вечного блаженства: «Przy zieluny łące, przy ślicznyj dolinie sława Panny Przenajświętszej na cały świat słynie» <На зеленом лугу, в прекрасной долине слава Пресвятой Девы на весь мир славится>. В поминальной песне луг может связываться с загробным миром, местом, где встречаются души после смерти: «Dusza z ciała wyleciała, na zielonej łące stała. Przyszedł do niej anioł z nieba: “Czego ci, duszo, potrzeba?”» <Душа из тела вылетела, на зеленый луг встала. Пришел к ней ангел с неба: «Что тебе, душа, нужно?»>).

Липа в любовных песнях и балладах — это прежде всего женский символ, знак девушки-панно, готовой к любви: «Stojała lipa przy dole, przy organiścinej stodole. Tam, ci Kasieńka stojała, rosicka na nią padała. Bieg(ł)-ci Jasiniek na rolę, wziął sukmaniska, odział ją» <Стояла липа внизу, у овина органиста. Там Касенька стояла, роса на нее капала. Бежал Ясинек на поле, взял сермяжку, надел на нее>. В рождественской колядке липа в сочетании с белым камнем и бьющей из него водой воссоздает древний славянский образ космоса — в данном комплексе (в других текстах встречается также дуб, сосна, явор) это космическое дерево, ось и центр мира: «Stoji mi lipieńka, stoi mi zielona. A pod tą lipieńką biały kamień leży. Spod tego kamienia bystra woda bieży. A w tej to wodeńce Maryja sie myła, a jak się

umyla, Syna porodziła» <Стоит моя липочка, стоит моя зеленая. А под этой липочкой белый камень лежит. Из-под этого камня быстрая вода бежит. А в этой водичке Мария мылась, а как умылась, Сына родила>.

Калина в уланской песне — знак смерти юноши: «Jedzie w las ulan, krew sie lieje z ran. Posieczony, postrzepiony, chorągiewke ma czerwone, z konia kipi pot. Spada z konia wznak pod kaliny krzak. Ta kalina jak matula liściem swoim go przytula, to śmiertelny znak» <Едет в лес улан, кровь льется из ран. Израненный, истрепанный, хоругвь у него красная, на коне пот кипит. Падает с коня навзничь под куст калины. Эта калина как матушка листом своим его обняла, это смертельный знак>. В любовных балладах *калина среди кустов* — влюбленная девушка, ждущая парня: «Przy dolinie, przy gęstej krzewinie, tam kalina stoją i Jasińka na dróżce wołała: “Chodź, Jasińku, pójdźiewa”» <В долине, в густом кустарнике, там калина стояла и Ясенька на дорожке звала: «Иди, Ясенек, пойдем»>.

Лексикон, надстроенный над общенародным лексиконом, понимается только в рамках определенного культурного кода [ср.: Толстой, 1995; Толстая, 2008]. Для верного прочтения приписываемых значений и генерирующих их механизмов в рамках данного кода необходим соответствующий контекст, который позволяет вспомнить и декодировать данные смыслы, выраженные забытым языком символов [ср.: Fromm, 1972]. Декодирование становится возможным благодаря, кроме прочего, языковым сведениям (этимология, метафорические значения), текстовым (параллелизмы, межтекстовые эквиваленты) и «около-языковым» (записи верований и описания магических практик) [ср.: Niebrzegowska-Bartmińska, 2013].

Автор концентрирует внимание прежде всего на жанровых условностях текста, которые, как представляется, в наибольшей степени влияют на направление символической интерпретации. К ним, главным образом, относятся заключенный в поэтике жанра образ мира и ценности, лежащие в его основании. Принимая идею А. А. Потебни о том, что символизм находится в тесной связи с языком («<...> только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа» [Потебня, 2000, 8]), мы обсуждаем три тезиса исследователя, а именно:

1) символизм встречается в старых литературных жанрах чаще, чем в более новых: «Так как символизм есть остаток незапамятной старины, то встретить его можно преимущественно там, где медленнее

происходит отделение мысли от языка, куда медленнее проникает новое»;

2) символизм характерен в большей степени для женских песен, чем для мужских: «Связь с языком и символизм, характеризующие женские песни, встречаются в мужских в гораздо меньшей степени»;

3) наблюдаются различия в сфере использования символики в «мужских» и «женских» жанрах: «Мысль мужчины шире, подвижнее, изменчивее в силу новых, входящих в нее, стихий, чем мысль женщины, заключенной в кругу медленно изменяющегося домашнего быта, более близкой к природе и неподвижному разнообразию ее явлений» [Там же].

Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992.

Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Fromm E. Zapomniany język. Wstęp do rozumienia snów, baśni i mitów. Warszawa, 1972.

Mayenowa M. R. Poetyka teoretyczna. Wrocław, 1974.

Niebrzegowska-Bartmińska S. Ustalenie znaczeń symbolicznych w słowniku etnolingwistycznym // LingVaria. 2013. R. VIII, nr. 1 (15). S. 127–144.

Пер. с польск. Е. О. Борисовой

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет, Москва
eanefedova@gmail.com

«Архангельский областной словарь» как источник этнолингвистической информации

Известно, что диалектология как самостоятельная наука зарождалась в условиях интереса к народной жизни, этнографии, фольклору и живому народному языку. Неслучайно в названиях словарей конца